

Игорь Ваганов

Под созвездием Красного креста

16+

Игорь Владимирович Ваганов Под созвездием Красного креста. Записки терапевта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589870

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть "Под созвездием Красного креста" рассказывает о трудовых буднях провинциального врача в канун распада Советского Союза.

Содержание

Пролог	4
1.	6
2.	12
3.	17
4.	21
5.	27
6.	34
7.	40
8.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

Пенсия человеку даётся только один раз и не каждый до неё доживает!

Вот уже пятый год я на пенсии, которую получил за выслугу медицинского стажа. Получил, кстати, через суд, потому что пенсионный фонд никак не признавал два года моей работы главным врачом участковой больницы. Дескать, эта должность административная и врачебный стаж не положен. А то, что я ещё и работал терапевтом, как-то позабыли. Пришлось доставать необходимые справки. Побегать. Но доказал. И теперь я на пенсии, но работу не бросаю. Только работаю я с минимальной нагрузкой, для собственного удовольствия. Живу я в своем загородном доме, два раза в неделю дежурю на городской станции «скорой помощи». В свободное время занимаюсь огородничеством, а также пишу мемуары. В общем, делаю всё, что полагается начинающему пенсионеру.

Как-то раз, аккурат после пятилетия присоединения Крыма к России, взялся я разбирать ящики с бумагами, скопившимися в течение трёх десятков лет и хранящимися в мансарде, в старом шкафу. Ящиков было с полдюжины, и пришлось этой работе посвятить несколько вечеров. Я перебирал старые квитанции, записные книжки, вырезки из газет и

журналов, письма, открытки... Многие из этого добра я выбрасывал, но некоторые находки оставлял на память. И вот, разбирая предпоследний ящик, на самом дне я обнаружил небольшую тетрадку, заполненную мелким, порой неразборчивым почерком. Это были мои «Записки терапевта», которые я написал в часы отдыха на своих больничных дежурствах. Эти записи отображали определённый период моей жизни – период краха социалистической системы.

Многие люди, упомянутые в этой тетрадке уже отошли в мир иной, кто-то уехал в другие города, некоторые до сих пор здороваются со мной на улице. А я, бытописатель и участник тех далёких событий, после прочтения своей рукописи, решил донести свои воспоминания не сколько до сверстников, а в основном для тех, кому эти события покажутся только красивой легендой.

1.

Работа участкового терапевта в маленькой районной больнице всегда познавательна. И это относится не только к медицинской стороне профессии: наряду с врачебным опытом приобретаешь опыт житейский. Не только за рецептами и больничными листами приходят ко мне в кабинет пациенты. Для некоторых из них (особенно для одиноких стариков и старух!) я в какой-то степени представляю и психотерапевта, с которым можно поделиться страхами, пожаловаться на личные проблемы или поведать какую-нибудь невероятную историю. Я не возражаю, если пациенты пытаются «излить душу»: любой хороший врач (а я таковым, по крайней мере, пытаюсь стать) должен в определенной мере быть и психотерапевтом. И такой подход к работе приводит к тому, что некоторые посетители моего кабинета постепенно становятся не только пациентами, но и моими хорошими знакомыми, с которыми можно общаться и вне больничных стен.

В этот тёплый июньский день пациентов было немного, и за три часа я принял всего два десятка больных. Поэтому я решил после приёма сразу же обойти все вызова (их поступило четыре), а потом уже – обедать и отдыхать, потому что вечером мне предстояло дежурить по больнице.

Жердянская центральная районная больница, в которой я пятый год работал участковым терапевтом, располагалась на краю соснового бора. Высокие раскидистые сосны росли прямо на территории больничного двора. А совсем рядом, через дорогу, начинались кварталы пятиэтажных домов.

Здесь и находился мой участок. Я начал с самого ближайшего дома, навестив старушку с повышенным артериальным давлением. У неё я задержался недолго – выслушал жалобы, осмотрел, выписал необходимые лекарства.

Далее мой путь лежал на соседнюю улицу, которую я пересек кратчайшим путем, потому что ближайшего пешеходного перехода рядом не было. (К слову сказать, никто в райцентре пешеходными переходами и не пользовался. Дорогу обычно переходят кто как захочет, даже если переход находится всего в десятке метров.) Вот и просторный двор, ограждённый от улицы длинным многоподъездным пятиэтажным домом.

И здесь я увидел своего пациента – Николая Забродина, высокого широкоплечего мужчину пятидесяти лет. Николай выходил из второго подъезда, где он и проживал, с небольшой швейной машинкой фирмы «Зингер» в руках. На лавочке у подъезда его поджидали два пьяненьких мужичка. Погрузив машинку в большой мешок, троица поспешно удалилась за угол дома. На меня они не обратили внимания.

«Наверно, потащили пропивать?» – предположил я, и пошел к первому подъезду, на вызов к одинокому семидесяти-

летнего старику с нарушением сердечного ритма...

Участковый терапевт всегда работает с людьми, с пациентами разного пола и возраста. И жизнь каждого пациента словно незаконченная книга, у которой, естественно, есть начало, а когда наступит эпилог – неизвестно. Эти книги-судьбы бывают ясными, прямолинейными, с минимальными записями в амбулаторной карте, напоминая, если сравнивать с литературой, тоненькие брошюры. Но встречаются судьбы-книги замысловатые, с лихо закрученным сюжетом, где очень сложно предугадать, что в ближайшее время может выкинуть персонаж-пациент.

Вот такой затейливой книгой и была жизнь Николая Забродина. Раньше Николай жил в Карелии, в леспромхозовском поселке, работал водителем лесовоза. Выпивал «как все». В один злосчастный день он лишился водительских прав за управление транспортом в алкогольном опьянении и стал работать лесорубом. А потом вместе с родителями переехал в Жердянск и устроился в местный лесхоз. Валил лес – дело привычное. Выпивал «как все». Несколько раз попался на работе в алкогольном опьянении. Директор лесхоза всякий раз его прощал, ограничивался выговорами... А потом Николай прогулял по пьянке несколько дней. С работы его уволили (по собственному желанию – директор пожалел), стал он работать сантехником в ЖЭКе, но и тут попивал водочку. Надо отметить, что предыдущие увольнения за-

ставили его сократить объемы и частоту употребления горячительных напитков. Пил он теперь умеренно, был на хорошем счету, выгодно отличаясь от коллег-сантехников. Жил поначалу в щитовом домике с частичными удобствами, а потом, через несколько лет, получил двухкомнатную благоустроенную квартиру, так как был женат и воспитывал сына. И вот, на этом этапе, достигнув определённого материального благополучия, Николай расслабился, постепенно стал выпивать почаще и побольше, начались запои и прогулы. В итоге его уволили из ЖЭКа и поставили на учёт к наркологу. Но несмотря на пьяные выходки, жена его не бросала, только обзывала алкоголиком. Периодически Николай устраивался работать то дворником, то сторожем, какое-то время воздерживался от пьянства, но в итоге все равно его увольняли после многодневных прогулов-запоев. Наступала вынужденная безработица, проблемы с участковым инспектором и врачом наркологом. Впрочем, окончательным тунеядцем Николай не был, а оставшись без работы, пробавлялся сезонным сбором ягод или колкой дров старушкам, проживавшим в частном секторе в домах с печным отоплением. Вот так, безалаберно и запойно, и проходила его жизнь. Не успел оглянуться и протрезветь, как сын вырос и ушёл служить в армию...

Ко мне на приём Николай стал приходить в течение последних нескольких лет. У него стало частенько повышаться артериальное давление, и он проявил благоразумие и на

самотек свою болезнь пускать не стал. И начались визиты в поликлинику – то таблеточки прописать, а то и на больничный садился – если на этот момент работал.

В течение следующей недели я несколько раз встречал Николая у продовольственного магазина. Слегка пьяненький, с красным носом, в компании таких же «поддатых» мужичков, он выпрашивал у старушек талоны на спиртное, потому что уже во всю разворачивалась антиалкогольная кампания Горбачёва и приобретение спиртных напитков было ограничено.

Но потом начался сезон сбора ягод и грибов, и почти все жители района, даже забубенные пьяницы, двинулись в окрестные леса.

Теперь Николай появлялся только на рынке, трезвый, с ведёрком черники или корзиной грибов. Все эти дары леса он продавал оптом и недорого. Каждый зарабатывает как может!

А я ушёл в отпуск, который провёл большей частью на даче, ремонтируя домик и поливая грядки.

В поликлинике я появился только в конце августа, хотя мне показалось, что отпуск промелькнул, словно и не было его. И опять через мой кабинет потянулся ручеёк пациентов, каждый со своими болезнями, жалобами и опасениями. Пока это был именно ручеёк больных, а вот в начале октября,

когда соберут всю клюкву на болоте и картошку на огородах, когда закончится курортный сезон на черноморском побережье – вот тогда-то пациенты пойдут полноводной рекой!

Зашёл ко мне и Николай Забродин – на медицинскую комиссию, с листом медосмотра, где уже отметились мои коллеги, а мне, как терапевту, предстояло дать заключение.

– На винзавод устраиваюсь – грузчиком, – сообщил Николай. – Здоровьем меня Бог не обидел, а там как раз место освободилось.

Наш винзавод считался пусть и не престижным, но вполне благополучным учреждением. Зарплаты здесь были хорошими, мастера получали, к слову сказать, больше врачей поликлиники. Был, правда, один недостаток, так сказать, своеобразная производственная вредность – люди, склонные к употреблению алкоголя, имели здесь большие шансы окончательно спиться. Но для пьяниц сейчас, когда водку в магазинах продают только по талонам, даже место грузчика было большой удачей.

Я написал положительное заключение. И Николай в прекрасном расположении духа отправился ставить печать в регистратуру.

С этих пор Николай стал вести размеренный образ жизни: с понедельника по пятницу он каждый день выходил на работу, а напивался только по выходным – как большинство жителей нашего райцентра...

2.

В сентябре начался сезон сбора клюквы, в котором приняли участие большинство жителей райцентра. Я тоже пару раз сходил на болота, собрал три ведра – а больше мне и не надо. Продавать её я не собирался, а впрок копить не хотел.

Да и других забот хватало! Задумал я построить собственный дом, тем более, что политическая обстановка в стране этому благоприятствовала: в духе продекларированной высшим руководством перестройки был дан «зелёный свет» индивидуальному строительству» и на окраине поселка для этих целей был выделен солидный участок земли, бывшее совхозное поле. Этот квартал индивидуальных домов заранее предполагалось сделать образцом индивидуального строительства, планировалось за счет местного бюджета обеспечить всех застройщиков коммуникациями – центральным отоплением, водопроводом, электроэнергией и канализацией. Но желающих поучаствовать в этом деле пока было немного, и поэтому я без труда и совершенно бесплатно получил земельный участок. Времена нынче неясные, президент Горбачев, похоже, сам не знает, куда вести страну... И своя собственность не помешает! Тем более, что каждому застройщику будет выделена ссуда в размере до двадцати тысяч рублей на двадцать лет под три процента го-

ДОВЫХ.

В течение месяца я сколотил небольшой, но крепкий сарайчик, чтобы было, где хранить строительный инструмент или укрыться от дождя. В сарайчике был небольшой топчан, столик, несколько полок. Запирался он на солидный замок.

«Клюквенная лихорадка» продолжалась до середины октября, а потом постепенно пошла на спад – во всех доступных местах ягода была взята. К этому времени у всех уже было набрано не по одному ведру. В нашей больнице многие медработники брали отгулы и уходили на болото. Хирург Александр вместе с невропатологом Косаревым взяли в счет отпуска неделю, уехали километров за пятьдесят в дальнюю деревеньку Буерак (туда на легковой машине не поедешь!) и поселились рядом с болотом в заброшенной охотничьей избушке. С самого утра они собирали ягоду на болотных кочках, а к вечеру стаскивали мешки с клюквой в избушку. В итоге они набрали по тонне ягоды. Потом они эту клюкву вывезли на болотоходе в Буерак, а оттуда – на санитарном УАЗе доставили в райцентр. Теперь клюкву просушат, провеют, а далее увезут в Ленинград или в Свердловск – будут сдавать в тамошние рестораны и магазины. Только таким образом медработнику, всю жизнь вкалывающему на мизерные зарплату, можно было раз в год *честно* и по-крупному заработать.

После Нового года, примерно через неделю, ко мне на

приём пришел Николай Забродин: с повышенной температурой, красными щеками, сопливый.

– Простудился где-то! – пожаловался он. – В цеху сквозняки, ящики с вином таскаешь полураздетый, на улицу то и дело выскакиваешь – вот и простуживаешь!

Больничный он получил, лечение назначено, пять дней просидел дома. Потом, когда полегчало, сам стал выпрашивать на выписку.

– Могу продлить больничный ещё на пару деньков, – сообщил я ему. – Полечитесь получше.

– Не могу, – отказался он. – Соскучился по работе, по коллективу.

Но истинная причина, по моему мнению была в другом – только на работе Николай мог пить на дармовщинку, да ещё с собой выносить. А тут, на больничном, запасы не пополняются – а на свои кровные он покупать уже как-то поотвык.

Я его, конечно выписал. И в дальнейшем встречал только изредка на улицах райцентра.

Началась эпидемия гриппа! Коридоры поликлиники битком набиты пациентами – в основном очереди у кабинетов терапевта. Народу приходило столько, что приходилось наполовину сокращать время приёма на каждого пациента – иначе всех не принять. И всё равно заканчивал приём с опозданием, а потом шёл на вызова, количество которых тоже повысилось. Вся эта катавасия продолжалась больше ме-

сяца, изрядно поизмотав силы всего нашего персонала больницы. И я, признаюсь, к завершению эпидемии работал почти автоматически, стремясь только отработать день, а потом выспаться. Больше всего я боялся заразиться сам (а, следовательно, заразить свою семью), и поэтому на приёме обязательно одевал марлевую маску.

В нашей жизни у большинства людей не бывает прямых и гладких дорог: удачи и даже мало-мальски спокойное существование всегда чередуются с полосами житейских трудностей, которые, как известно, закаляют характер человека. В соответствии с этим правилом произошли изменения и в жизни Николая Забродина – в марте он попал в трезвак (так в народе назывался медицинский вытрезвитель).

Об этом я узнал на утренней оперативке – из доклада дежурного врача-терапевта. Оказывается, накануне вечером Забродин был задержан в алкогольном опьянении у продовольственного магазина и доставлен в медвытрезвитель. Там у него поднялось артериальное давление, заболело сердце, и фельдшер медвытрезвителя вызвал скорую помощь. А фельдшер скорой помощи (работавшая в одиночку) вызвала для подстраховки дежурного терапевта (такое практиковалось в нашей больнице), которому пришлось, оставив больницу, отправляться ночью в медвытрезвитель. Но ничего угрожающего жизни у Николая не выявили, снизили давление и оставили до утра в медвытрезвителе. Утром, по-

сле пробуждения, с него взяли плату за услуги (поскольку немного денег у него с собой было), а потом провели в дежурную часть, где выписали добавку – штраф за нахождение в алкогольном опьянении в общественном месте. После чего Забродина отпустили, но на работу он опоздал на два часа!

Для большинства работающих людей такой итог был бы настоящей трагедией! Но для Забродина никаких ужасающих последствий не было. Начальство винзавода относилось к подобным «посещениям» медвытрезвителя очень снисходительно – дадут выговор и все дела! А коллеги по работе вообще считали непьющих людей за уродов: дескать, что за мужик, если ни разу в жизни в трезвак не попал!

3.

В конце апреля снег полностью сошёл, начало пригревать солнце. В совхозах и садоводческих товариществах началась подготовка к посевным работам. Кипучая деятельность в садовых кооперативах продолжалась и в будни, и в выходные дни.

Я тоже занимался огородными делами, но с посадками этой весной решил управиться пораньше.

А тем временем состояние страны становилось все более нестабильным. И хотя на телеэкранах и страницах газет Михаил Горбачев продолжал жизнерадостно балаболить о демократии, новом мышлении и грядущем процветании, реальная обстановка этим речам не соответствовала. В светлое будущее уже не верилось. Нарастал тотальный дефицит не только бытовой техники, мебели, одежды, но и основных продуктов питания. Многие вещи и даже продукты можно было купить только по талонам, карточкам, предварительным очередям.

У меня лично складывалось впечатление, что наша страна, могучий корабль социализма, потерял курс (да вдобавок моторы работают с перебоями) и теперь не плывет целеустремленно к коммунистическому обществу, а бесцельно и

суматошно сплавляется по реке времени, и дай Бог, чтобы на пути не встретился водопад!

В такое зыбкое время я считал, что наиболее верным будет обеспечить благосостояние своей семьи. Я работал на полторы ставки, брал дежурства, проводил предрейсовый медосмотр водителей лесхоза. Получал достаточно, чтобы хватало на все текущие расходы и ещё кое-что оставалось. Но больших накоплений я не делал. Не было у меня уже доверия к деньгам, точнее, к нашим рублям (а приобретать доллары было затруднительно и очень опасно). Я как-то интуитивно чувствовал, что скоро этот призрачный псевдосоциалистический мир может внезапно рухнуть, и всё, что копил и берёг, все эти заработанные рубли, могут превратиться в труху. Я предпочел вкладывать свои накопления в недвижимость. Земельный участок был выделен прошлым летом. И теперь обеспечить свою семью собственным домом было основной задачей. Все свои накопления я тратил на покупку стройматериалов, у меня была ещё банковская ссуда, которую я планировал затратить на строительные работы. В течение осени и зимы я покупал и свозил на участок бетонные блоки для фундамента, железобетонные плиты перекрытия, белый и красный кирпич. Замечу сразу, что купить стройматериалы зачастую было нелегко, надо было договариваться, показывать разрешение райисполкома на строительство и т.д. И в ближайшее время, как только окончательно растает снег и полностью оттает земля, я собирался приступить к

строительству фундамента. Я предчувствовал, что медлить не стоит.

Мои строительные начинания и планы были не понятны тем, кто всю жизнь привык жить и работать в отведенном русле, получать, а не добывать. Те, кто думал и делал иначе, казались им чужаками.

Мой коллега, хирург Александр, даже сказал мне как-то (когда я консультировал больных в хирургическом отделении), что он лучше дождетса бесплатной квартиры от государств, чем за свои деньги будет строить дом. Сам он со всей семьей, с двумя детьми, жил в однокомнатной квартире и был поставлен на, так называемую, очередь «первоочередников». Но реально он мог рассчитывать на получение новой квартиры лет этак через пять! У меня с очередью на жилье дела были не лучше, но я не собирался целую пятилетку ютиться в маленькой квартирке на пятом этаже. Не стал я тогда ему ничего объяснять или доказывать, только сказал, что время покажет, кто прав.

После первомайских праздников я выкопал (при помощи экскаватора) котлован для фундамента и приступил к строительству так называемого «нулевого цикла».

Фундамент я решил делать из бетонных блоков. Предварительно надо было сделать бетонную «подушку». В изготовлении опалубки и заливки её готовым бетоном (с местного бетонного завода) мне помогал Николай Забродин. С этой

работой мы справились за один субботний вечер.

Работа пошла! Через неделю я, договорившись с крановщиком, стал проводить монтаж бетонных блоков. Работу стропальщика выполнял Николай, который имел необходимую подготовку и соответствующее удостоверение. Мы поставили, как и планировали, два ряда бетонных блоков – за день! А через несколько дней, установив метки при помощи особого прибора – нивелира, сделали поверх блоков стяжку из раствора, чтобы всё сооружение было на одном уровне – тютельница в тютельница!

4.

Теперь надо было провести кладку цоколя, для этой работы необходимо было подобрать каменщика. Я размышлял, кого бы пригласить, но проблема разрешилась сама собой.

После обхода квартирных вызовов я подходил к своему дому и на лавочке у подъезда увидел знакомых: Николая Забродина и его приятеля, Василия Огородникова, жителя одного из совхозов. Василий Огородников, невысокий коренастый мужчина пятидесяти лет, был в прошлом военным моряком – капитаном третьего ранга! Из-за пристрастия к алкоголю он лишился и службы, и семьи. Какое-то время скитался по свету, а потом, когда эти скитания стали плавно перерастать в обычное бродяжничество, решил вернуться на родину – в наш район. Устроился работать в совхозе, в двадцати километрах от райцентра, повторно женился... но дружбы с водочкой не прекращал. Стал, правда, себя в этом деле ограничивать и, по мнению деревенских жителей, был в меру пьющим человеком.

В райцентре он появлялся периодически – примерно, раз в месяц. И всегда приезжал по делу: для продажи мяса, овощей, веников, ягод и тому подобного. После удачной реализации своего товара Василий пропивал часть выручки с друзьями, чаще всего – с Николаем.

Долгие годы гражданской жизни изменили Василия и внешне, и внутренне. Ничего, кажется, не осталось от того лихого штурмана, что бесстрашно в любую погоду выходил на палубу грозного крейсера. Ничего кажется не осталось, всё позабыто и пропито... Но всё также безошибочно узнавал Василий на ночном небе любое созвездие и мог перечислить входящие в него звезды!

– Привет труженикам села и леса! – поздоровался я с ними – первым здоровается тот, кто лучше воспитан.

– И вам не хворать! – шутливо ответил Николай, а Огородников молча кивнул головой.

Николай пьянствовал еще со вчерашнего дня, выпросив у меня талон на спиртное. И повод подходящий – приезд друга (Василия Огородникова) и удачная реализация его товара, десяти килограммов свинины.

– Есть работа, – обратился я к Николаю. – Надо цоколь из кирпича сложить.

– Не вопрос, – ответил тот.

– Но сегодня мы заняты, – добавил Огородников. – Вернёмся к этому предложению через несколько дней.

– Это понятно, – сказал я.

– В гастроном пиво завезли! – с энтузиазмом воскликнул Николай. – Очередь уже занята. Надо идти.

Пиво в нашем поселке привозили из областного центра и торговали им без талонов, что вызывало ажиотаж в определенных кругах местных жителей.

– Не много ли будет после водки? – удивился я. – Завтра же на работу.

– Водка без пива – деньги на ветер, – произнес Николай известное изречение.

А Василий Огородников, медленно и важно подняв указательный палец, продекламировал строки какого-то малоизвестного поэта:

– Кто воевал – имеет право у тихой речки отдохнуть!

«Какой интеллеktуал – не все ещё мозги пропил!» – подумал я.

А ещё через неделю – в выходные дни, Василий Огородников вместе с Николаем стали класть цоколь из красного кирпича. Василий был неплохим каменщиком – жизнь научила всему! – он работал аккуратно, но медленно. Николай Забродин подтаскивал кирпич и помешивал раствор в большой железной бадье. (Бадью, объемом 0,75 куба, я заготовил заранее, а раствор Николай делал сам.) За два дня цоколь был сделан. Я расплатился с работниками, как и договаривались, деньгами и водкой.

На следующий день, обходя свой участок, я уже под вечер проходил мимо дома, где проживал Забродин. И как раз наткнулся на двух приятелей – сидят на лавочке, распевают песни и потягивают из бутылок пиво. В общем, разлюли-малина! А у меня был вызов в соседний подъезд к старушке с хроническим бронхитом. Пока я осматривал бабушку, да

выписывал ей рецепты, Забродин с Огородниковым продолжали свой концерт, слышно было даже в квартире пациентки.

– Второй час куролесят, – прокомментировала старушка. – Ну да ладно, шума от них много, но хулиганства никакого. Безвредные мужики.

Но видимо, не все так считали. Наверное, у кого-то из жильцов дома лопнуло терпение, и он позвонил куда следует.

Машина медвытрезвителя подъехала внезапно. Во дворе послышалось хлопанье железных дверок, чей-то мужественный окрик.

Я выглянул в окно. Два милиционера вели под руки к фургону Николая – он не сопротивлялся. Третий милиционер вел за руку Огородникова, который, что-то пытался сказать. Через минуту оба уже исчезли в недрах фургона. Машина уехала.

А я как-то сразу понял, что завтра у Николая могут быть неприятности: если его задержат в медвытрезвителе утром, то на работу он опоздает, а, может быть, и совсем прогул поставят – со всеми вытекающими последствиями. И понял я еще, что Николая надо выручать! Огородников в своем колхозе наверняка выкрутится, а вот Забродину не позавидуешь – наверняка уволят за прогул, тем более, что посещение медвытрезвителя у него уже второе за год.

Я, как врач районной больницы, имел знакомства в различных районных организациях, в том числе в медвытрез-

вителе – потому что некоторое время там работал по совместительству и до сих пор был знаком с его сотрудниками.

У моей пациентки был домашний телефон. И она, конечно же, разрешила позвонить. Я набрал знакомый номер – сегодня дежурил фельдшер Володя, мужчина предпенсионного возраста, покладистый и добродушный человек.

Я объяснил ему, что интересуюсь судьбой Забродина.

– Оформили уже, – ответил мой коллега. – На койке уже отдыхает. И собутыльник его тоже там.

– Не буянили?

– Да нет, люди смирные. Спокойно разделись и ушли отдыхать.

Это хорошо! Это означает, что Забродина и Огородникова ждёт только плата за медвытрезвитель и штраф за пребывание в алкогольном опьянении в общественном месте.

– Нельзя ли Забродина выпустить пораньше? – Попросил я Володю. – Чтобы на работу не опоздал.

– Никаких проблем, – согласился тот. – До утра проспятся, а утром, часиков в семь, мы их и отпустим на все четыре стороны.

Мой коллега слово сдержал. Николая отпустили в семь часов утра, и он пришёл на работу вовремя. То, что он был с похмелья, заметно сразу – по лицу, да и запахок перегара отчетливый. Но это не беда! В местном винзаводе по утрам с похмелья приходят очень многие. Главное, что Забродин не опоздал, не прогулял, а все остальное – даже бумага из

медвытрезвителя – все простится. И я не стал сообщать Николаю, кому он обязан столь своевременному освобождению из медвытрезвителя: я всегда считал, что добрые дела надо делать анонимно и бескорыстно, а не рассчитывать на дивиденды.

5.

Минула очередная неделя, и всё тот же крановщик (ассистировал Забродин) уложил поверх цоколя бетонные плиты. Нулевой цикл был закончен!

Теперь передо мной стояла нешуточная задача – воздвигнуть стены дома, которые я решил сделать кирпичными, причем внутренний слой – из красного кирпича, чтобы были посуше. Необходим каменщик, причем не один, а с помощником. Огородников на это дело не годился – у него в совхозе полно работы. А в райцентре практически все каменщики трудились на стройках, разве что по выходным они смогли бы подработать у меня. Но тогда моё строительство затянется до осени, а это меня не устраивало. Поиски каменщика продолжались, но подходящей кандидатуры я не находил...

В конце мая Николай Забродин начал, как обычно, пьянствовать с вечера в пятницу, но пьянка на этот раз несколько затянулась, прихватила даже понедельник, и только на следующий день, дыша перегаром, он появился на своем рабочем месте. И был уволен за прогул!

Проблема с каменщиком решилась без моего участия. В начале июня, возвращаясь с работы, я встретил у своего подъезда Николая Забродина с незнакомым мне мужчиной лет сорока, среднего роста, худощавого, с лицом немного

отечным и мрачным.

– Это Валерка Шнурков, каменщик, – представил мне его Николай.

– Каменщик четвертого разряда, – добавил то, подчеркивая своё профессиональное мастерство. – А значит я умею делать не только прямые стены, но и колонны.

– Мы сейчас оба не у дел, – продолжил Николай, – готовы поработать.

Меня это устраивало. Каменщик и его помощник объявились, и больше не надо никого искать. А какой из Валеры мастер – это мы увидим в первый же день работы. Не потянет – сразу же откажу.

Расценки на кладку мне были известны. Я предложил работникам немного больше, чем платят за аналогичную работу в строительных организациях – они естественно, согласились. Можно было планировать строительные работы.

Раствор для кладки я решил использовать готовый, привозя его с бетонного завода на самосвале и сгружать в железную бадью, объемом в 0,75 куба.

Стройка века началась! Работал Валера споро, профессионально, без суеты или медлительности. Он не был каким-то каменщиком-виртуозом, в его работе не ощущалось особого шика и высокого профессионализма. Обычный средненький каменщик, в работе применяет бечевочку для прямой кладки, отвесы для кладки углов, уровень. Но приладившись, вы-

ставив углы, начинает вести кладку по прямой быстро, практически не глядя. Потом, подняв стену на несколько рядов, выделяет швы специальной «расшивкой». Короче, всё как надо!

Дни шли за днями. И Валерий, и Николай трудились аккуратно, без опозданий и прогулов. Стены дома постепенно поднимались и, наконец, к окончанию второй недели работы, дошли до оконных проемов. Я был доволен – освоен заметный объем строительства, потребовавший приличное количество кирпича и раствора. Далее материала пойдет поменьше, правда и работать придется уже с лесов.

И в этот день Валера попросил у меня аванс.

– Деньги дома закончились, – объяснил он. – Продукты не на что покупать.

Я не возражал: аванс – дело обычное. Я дал им обоим по сто рублей, на следующий день договорились устроить выходной. А потом вновь с утра на стройку.

Через два дня я с утра привез на самосвале раствор, расплатился с водителем, стал ждать работников. Вскоре подошел Николай.

– А где Валера? – поинтересовался я.

– Вот ведь Шнурок – не пришел! – возмутился Николай. – А ведь вчера договаривались не опаздывать. С утра быть готовым как штык! Мы вчера и пили-то немного. Только если он после моего ухода добавил?

Решили подождать. Тем более, что приём в поликлинике

у меня сегодня с 16 часов, и вызовов с утра не поступало.

В отсутствии каменщика Николай решил заняться делом. В некоторых местах стены были выложены не полностью, только наружный и самый последний слой, а между ними на пару рядов было пустое пространство. И Николай решил, чтобы не терять времени, заложить – так сказать, забутовать, это пространство кирпичом – для этого большого профессионализма не требуется. А я отправился в гараж за мотоциклом: надо привезти воды, потому что здесь, на строительстве, с водой было туго – точнее, ее вовсе не было, надо было привозить.

Гаражный кооператив располагался недалеко – в километре от нашей стройки. В гараже я предварительно вытащил из коляски мотоцикла сидение, поставил туда пустую сорокалитровую флягу, а потом завел свой «Иж-Юпитер». Сначала я проехал в маленькую деревеньку, располагавшуюся неподалеку, почти примыкая к райцентру. Здесь я наполнил флягу водой из колодца, а потом поехал к своему дому.

Николай уже заканчивал «забутовку»: таскал ведра с раствором и проливал сверху уложенные кирпичи, чтобы не оставалось щелей. Вот уже и последнее ведро. Всё!

Каменщик так и не пришел.

– Может, заболел? – предположил я.

– Такая болезнь лечится бутылкой пива, а всего вернее – кулаком по морде, – проворчал Николай. – Надо к нему ехать.

Мы сели на мотоцикл, предварительно вытащив из коляски флягу с водой, и отправились к Валерке.

Каменщик жил на окраине райцентра, на небольшой улочке, сплошь состоявшей из одноэтажных четырехквартирных домиков, по форме напоминающих бараки. Домики с частичными удобствами. Это означало, что в наличии было только центральное отопление. Туалет – на улице, в дощатых будках. Холодная вода – из уличной колонки. Когда-то эти домики возводились как временное жилье. Но нет ничего долговечнее временных бараков! Проходило десятилетие за десятилетием, домики ремонтировались, а сносить их никто и не собирался!

В одной из таких лачуг и жил Валерий Шнурков, одинокий, разведенный мужчина, злоупотребляющий алкоголем. Я остановил мотоцикл у домика, на который указал Забродин. Николай без стука вошел в крайнюю дверь. Я последовал за ним.

Квартирка миниатюрная. Крохотная кухня, две небольшие комнаты, минимальный набор мебели. Стены с ободранными кое-где обоями. Везде пахнет табачищем. Пол грязноват, местами лежат бумажки и окурки (недалеко до пожара!). Но притоном это жилище назвать пока рано, нет застарелой грязи – похоже, что хозяин иногда моет пол, стирает занавески, изредка делает косметический ремонт.

Валера лежал на диване в одной из комнат – той, что побольше, смотрел телевизор и курил папиросу. Рядом с ним

на тумбочке стоял стакан, наполовину наполненный томатным соком.

«Хорошо, хоть не пиво!» – подумал я.

Увидев нас, каменщик присел, посмотрел тяжелым взглядом из –под отечных век и виноватым голосом сказал:

– Голова вот сильно болит. Не мог с утра прийти.

– Так ведь раствор привезён, пропадет, – напомнил я.

– С обеда обязательно приду. Поотлежусь маленько и в два часа буду на месте...

Оставив Валерку отлёживаться, мы с Николаем вернулись на стройку. Здесь Николай освежил раствор ведром воды, помешал его лопатой.

Я поглядел на часы:

– Можно пообедать. Позвоню заодно в поликлинику насчет вызовов, а к двум часам вернусь...

В два часа Валерки все еще не было. Николай принялся подтаскивать кирпичи поближе к лесам – готовил фронт работы. А я опасался, что каменщик решил «полечиться» пивом и тогда его не дождешься.

Но Валерка пришел – в начале четвертого.

Забродин посмотрел на него косо, но я облегченно вздохнул – раствор не пропадет.

Сегодня каменщик работал медленно, через силу, с одышкой, обильно попивая холодную воду, которую он принес с собой в железной фляжке. Вечером, после окончания приёма, я привез работникам термос горячего чая и бутербро-

ды. После короткого перерыва работа возобновилась. Валера уже пооклемался и двигался гораздо быстрее.

Пошабашили поздно – в одиннадцатом часу ночи: в наших краях летом темнеет очень поздно и всего на несколько часов. Раствор был выработан более чем наполовину. Остаток Забродин хорошенько перемешал с водой, а потом еще сверху залил ведром воды... До завтрашнего утра он продержится, не схватится. А утром еще раз перемешаем – и за работу!..

6.

Работа опять вошла в привычный ритм. Валера с Николаем аккуратно приходили на стройку и трудились до позднего вечера, прерываясь только на обеденный перерыв. А вокруг нашего участка также разворачивалась впечатляющая картина гигантского строительства. Мои соседи – дальние и ближние – тоже не теряли даром времени. Рыли котлованы, ставили фундаменты, приступали к возведению стен. Некоторые строили дома из бруса. С утра и до позднего вечера на обширном поле, выделенном под строительство индивидуальных домов, не затихала бурная хозяйственная суэта: шумели моторы машин и тракторов, тюкали топоры, визжали бензопилы, постукивали молотки каменщиков.

Был в самом разгаре сезон отпусков. Кто-то отправлялся в санатории, ехал «дикарями» к морю, навещал родственников. Многие проводили свой отпуск на даче, на берегу реки, в лесу. А мы, будущие домовладельцы, свои отпуска предпочитали потратить здесь – в трудах и заботах. Я тоже пошел в отпуск, но, конечно, «отдыхать» решил на строительстве дома – в моих планах было за лето освоить кирпичную коробку, поставить крышу и временно покрыть ее рубероидом. В общем, планов громадье, только поворачивайся!

Вскоре высота стен достигла высоты оконных проёмов. Теперь надо укладывать над ними надоконные перемычки, а также ставить перемычки над дверными проёмами во внутренней капитальной стене.

Валера был доволен – работа заканчивается, еще неделя и будет окончательный расчет. А там поступят новые заказы – один из моих соседей уже подходил к нему и осторожненько расспрашивал о расценках на кладку.

Когда был уложен последний кирпич и полностью закончился раствор, Валера помыл свой мастерок, умылся сам.

– Все, хозяин, теперь вызывай кран, кладите перемычки, а потом я подойду и буду выравнивать верха, – он замолчал, что-то раздумывая про себя, а потом добавил: – Как бы насчет аванса?

Аванс я ему дал – сто рублей (как предчувствовал – специально захватил сегодня на стройку деньги), такую же сумму вручил и Забродину.

– Позовите, когда все будет готово, – сказал каменщик и удалился неторопливой походкой.

– Завтра выпишу кран, – сказал я Николаю. – Приходи. Раствор замешаем сами.

– Раствор-то замешать недолго, но с краном спешить не надо, – ответил тот. – Завтра я эти перемычки сам, своими руками, поставлю. Зачем крановщику платить? Лучше мне литр водки поставь!

Предложение Николая меня озадачило. Часть перемычек

– которые будут нести также и верхние плиты перекрытия – были очень массивными, тяжелыми и содержали, кроме бетона, еще и каркас из толстенной арматуры.

– Ладно, тонкие перемычки руками поставишь. Но несущие перемычки – под плиты перекрытия – больше ста килограмм весят! Как же ты их поднимешь? – удивился я. – Надорваться можно.

– Ничего, не надорвусь. Я ж ведь грузчик! А завтра утром еще и Огородников подъедет – поможет мне. Мы ведь не на шармака тягать будем – тут надо покумекать. Поставим леса поближе к окну, лебедку из дома принесу, опору из бруса сколочу. И на лебедке, через блок, аккуратно и будем поднимать. Сначала на леса перемычку поставим, а потом и над окном. Это я о толстых перемычках. А тонкие, карандаши эти, я один руками поставлю! С обеда всё будет готово.

Я, конечно, очень сомневался, но решил уважить своего соседа.

– Ладно! – решил я. – После обеда приду принимать работу.

Забродин сдержал слово. Когда я назавтра после обеда подъехал на стройку, все перемычки уже были уложены над оконными и дверными проёмами. Огородников, присев на перевернутое ведро, курил папиросу. Николай выскребал из бадь последние крохи раствора и перекладывал их в вёдра.

– Чтобы раствор не пропал – пролью им все щели в кладке и перекрытиях, – объяснил он.

Эта работа заняла у него немного времени. Вот он промыл мастерок водой, сполоснул вёдра.

– Всё! Можно принимать работу.

Я неторопливо обошел дом: надоконные перемычки везде лежали строго горизонтально, центр их совпадал с центром оконных проемов. Работа сделана на совесть!

Я вручил работникам две бутылки водки, буханку ржаного хлеба и банку килек в томатном соусе.

– Остальную закуску найдем у меня в гараже, – сообщил Николай своему приятелю. – Огурчики с помидорами из ямы достанем, грибки солёные. Там и посидим. Дома светиться не стоит – лишний шум ни к чему.

Работники удалились, а я поехал на дачу поливать грядки...

Наконец кладка достигла финала – были полностью выложены на заданную высоту все несущие стены (в том числе и внутренняя). Теперь надо положить сверху плиты перекрытия и потом обложить их с боков кирпичом. Монтаж плит сделают Валера с Николаем – за дополнительную плату. Договорились на литр водки, так как сейчас все еще она продается по талонам, и просто так в магазине ее не продадут.

Через пару дней, когда кирпичная кладка схватилась, я опять позвал работничков и заказал кран на два часа. Раствор Николай замешал сам – в бадье. Плиты перекрытия укладывались на заранее разложенный раствор, остатками

раствора опять замазали щели между плитами.

Я выдал работникам литр водки. Денег давать не стал. Пусть заканчивают работу – тогда и окончательный расчет. Да и работы здесь от силы на день. А веранду буду делать позднее.

Работники ушли отдыхать. Я их ждал через день, в четверг, объяснив Николаю, где в подвале у меня лежит мешок цемента: теперь кирпича пойдет немного, раствор можно изготавливать самостоятельно. Валера уверял меня, что в четверг он обязательно закончит работу. И я ему верил, особенно меня обнадеживал тот факт, что денег у каменщика нет, следовательно – запой не предвидится.

Но, как говорится, свинья грязи найдет!

В четверг я закончил работу рано: вызовов было всего два. В третьем часу дня я уже был дома, наскоро пообедал и поехал на стройку.

Но спешка моя была напрасной: на стройке я увидел только Забродина, который неспешно переносил кирпичи наверх – на плиты перекрытия.

– А где каменщик? – спросил я.

Николай с презрительным выражением лица махнул рукой:

– Пьяный он сегодня. Одно слово – шнурок!

– Так откуда деньги взял на выпивку. Да и талоны нужны? – удивился я.

– Взят у соседей десятку взаймы. Дали – знают, что сей-

час он при работе. А потом самогонки у кого-то купил: она покрепче и подешевле будет, чем водка.

– И что теперь?

– Сегодня пропьется. Завтра легкий опохмел. А в субботу непременно, как он сказал, сюда придёт!

Разочарование, злость, досада (на самого себя – потому что связался с пьяницей): все эти чувства разом охватили меня. И в этот момент я на всю жизнь крепко-накрепко усвоил – нельзя связываться с пьяницами. Особенно в серьезных делах. Врет пословица – «Пьян да умён – два угодыя в нём!» Каким бы мастером не был бы пьяница, но нет гарантии, что в самый ответственный момент его тяга к алкоголю не перешибит мастерство, не отобьёт стремление к работе. Так что лучше пусть будет посредственный, но добросовестный работник, чем пьяный мастер своего дела.

7.

На следующий день утреннюю оперативку в больнице проводил начмед, Сергей Вениаминович – средних лет худощавый мужчина, очень хитрый. Разговаривал он всегда тихим вкрадчивым голосом. Был в отличнейших отношениях с главным врачом и районным начальством, с коллегами по работе всегда поддерживал добрые отношения, не конфликтовал. Как говорится, скользкий, как налим! Но травматологом он был хорошим, да и полостные операции делал вполне прилично. А сам главврач сейчас в отпуске. И по слухам, находится в запое. Такое вот у него хобби!

Пациентов сегодня у меня было немного: сейчас все стараются лечиться на дачах или южных морях. Я даже нашёл время поработать с документацией – разбирал амбулаторные карты диспансерных больных, чтобы пригласить их на прием.

Вечером я дежурил в больнице. Дежурство выдалось спокойным и благополучным – то есть за ночь никто не умер, и даже не поступало больных в тяжелом состоянии. И я смог четыре часа поспать.

Утром в субботу на улицах нашего райцентра обычно пустынно. Народ отсыпается после трудовой недели, после вечерних пятничных пьянок, ночных гуляний. Только неуго-

монные старушки тащатся в магазины за продуктами, да еще дворники заканчивают подметать дворы. Дома у меня дети еще спали, жена начинала что-то готовить на кухне. Поэтому я, не тратя время на завтрак, завалился немного поспать – сколько получится!

Я проснулся через два часа – от жизнерадостных возгласов младшей дочери, возившейся на ковре с куклами. Старшая дочь уже ушла гулять на улицу. Наскоро позавтракав я ушел в гараж, а оттуда на мотоцикле проехал на строительство.

Подъезжая к перекрестку, на котором начинался поворот на нашу стройку, я увидел вдалеке, метрах в пятидесяти знакомую фигуру. Это был каменщик Валера, и шел он в противоположную от стройки сторону.

«А, может, это и не Валера?!» – предположил я. Догонять его я не стал, а повернул в сторону своего дома.

Быстро миновал несколько будущих улочек, на которых уже шли работы. Вот и мой недостроенный дом. Внизу, у входной двери стоит Николай Забродин, рядышком прохаживается его друг Василий Огородников. Оба чем-то взволнованные.

– Ушел Валерка! – сразу сказал Забродин, не дожидаясь моего вопроса. – Одно слово, шнурок! Пришел с хорошего бодуна. Руки трясутся. Опохмелиться просит.

– Было у нас четыре бутылки пива, – добавил Огородников. – Я веники в баню продал. Вот и купил.

– Дали Валерке бутылку: он её залпом выдул и раскис весь, – продолжал Николай, – и заявляет, что, мол, не может он сегодня работать. Нет сил.

Николай на секунду помолчал, подыскивая слова...

– Я ему и говорю: «Осталось совсем немного – и закончим. Расчет получим – и на другой объект». А он уперся, мол, все равно сегодня работать не будет. Я и сказанул ему напрямиком: «Что же ты, сволочь, человека подводишь? Ведь обещал сегодня работать!» Вскипел Валерка: «Что ты сказал – я сволочь?» И за грудки меня хватает. Оттолкнул я его слегка. И тогда он завизжал и ногой мне в бок засветил изо всех своих силёнок. Он мне раньше хвастал, что его в армии, якобы, драться учили специально.

Николай усмехнулся, посмотрел на свои увесистые кулаки.

– Да и я не слабенький. Мне его пинок, что слону дробина. Даже не покачнулся. Схватил я его тогда, врезал разок по морде...вполсилы, чтобы не покалечить. И выбросил в окно на траву. Шмякнулся он смачно, как жаба. Вскочил, махнул рукой и убежал.

Всё было ясно! Плохо одно – надо заканчивать кладку, причем самый верх, где работа неспешная, малообъёмная и связана с определённым риском. А когда вернётся обиженный Валерка – неизвестно! Но мне его уговаривать и звать на работу надоело!

– Так может сами с Василием закончите? – предложил я. –

Работы осталось немного. Но оплату я вам её по более высоким расценкам – учитывая работу на высоте. А у Валерки я потом эту разницу из расчета вычту.

Огородников раздумывал недолго:

– Подзаработать я всегда согласен. Но работаю я неторопливо.

– Раствор я уже замешал, – добавил Забродин. – Тут его немного. Прямо сейчас и начнём.

– И завтра поработаем, – добавил Василий. – И раствор сами замешаем, только ещё пару мешков цемента подвезите. А если не успеем, то я в следующие выходные подъеду и все закончу.

Вот и отлично! Настроение у меня улучшилось, и я поехал в соседнюю деревню пополнить из колодца запас воды, которую я возил на стройку в большой молочной фляге

Работать начали немедленно. Даже пиво пить не стали! Отложили на следующий день. Николай наполнял ведрами раствор и подавать по специально сооружённому блоку прямо наверх, где ведра принимал Василий Огородников. А что касается кирпича, то еще во время монтажа верхних перекрытий крановщик поднял на верхнюю плиту поддон с двумя сотнями белого кирпича.

Кладку в эти выходные закончить не успели. Но в следующую субботу Василий опять приехал и вместе с Николаем, поработав очень ударно, подвел итог всем моим хлопотам. Я расплатился с работниками, дал им в качестве премии еще

и бутылку водки. Теперь надо думать о крыше...

8.

А Валерка заявился ко мне через две недели – в поликлинику. Видимо он уже побывал на строительстве и убедился, что его услуги больше не нужны. Он просил денег за сделанный объём работы. Я разговаривал с ним в коридоре, отойдя к окну – подальше от посторонних глаз.

– Работа окончена не до конца. Приходи вечером на стройку, обмерим то, что ты сделал – там и рассчитаемся. И расценки будут немного поменьше: потому что за последние ряды я заплатил по более высоким расценкам.

Валерка спорить не стал – видимо, понимал мою правоту.

По окончанию приема я сначала зашёл домой и быстренько пообедал. А потом – на вызова. Сегодня вызовов было четыре. И прежде всего я поспешил к Николаю Груздеву. Два дня назад у него произошёл геморрагический инсульт. И началось всё внезапно, днем – с потери сознания. Хорошо, хоть, жена была дома. Вызвала она «Скорую», которая оказала экстренную помощь, а потом привезла из поликлиники невропатолога Косарева. Тот в больницу Груздева не повез – счёл его нетранспортабельным. Назначил уколы на дому, которые стала делать участковая медсестра.

Груздев, мужчина пенсионного возраста, был пациентом

моего участка, состоял на диспансерном учёте по гипертонической болезни. Иногда он приходил ко мне на приём, принимал по моим назначениям препараты, снижающие давление. Его состояние было удовлетворительным, цифры давления высоко не прыгали. И я никак не ожидал такого вот исхода.

Дверь открыла жена пациента – невысокая плотного телосложения женщина шестидесяти лет. Молча провела меня в маленькую комнату (двухкомнатной квартиры) – здесь, на кровати, лежал Груздев.

Он по-прежнему был без сознания – в коме. Естественно, не реагирует ни на что, не ест, не пьёт. Жена иногда, приподняв голову, вливает ему в рот ложечку воды. Да приходит делать инъекции медсестра.

«Состояние тяжёлое, прогноз – очень сомнительный, – подумал я. – Да, что там лукавить. Шансов на выживание практически нет. Чем и держится!»

Немного обнадеживало то, что состояние пациента было хоть и тяжёлым, но стабильным, без дальнейшего ухудшения. В лёгких чисто, без хрипов. Дыхание пока что не нарушено. Температура нормальная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.